

*Е.О. Смоктий**

**ИСПАНСКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ И
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКВИ
ПРОТИВ НАПОЛЕОНА: 1808–1814 ГГ.**

Никогда еще историческая наука не нуждалась так, как сейчас, в разработке моделей сравнительного анализа во всем его многообразии. Более того, в настоящее время сравнительная история является одним из базовых механизмов, позволяющих изучить с разных точек зрения широкий спектр элементов, составляющих, в частности, историю европейской культуры. Тем не менее исследователю необходимо проявлять достаточную осторожность, перед тем как вступить на эту непредсказуемую в своих проявлениях и именно поэтому крайне привлекательную территорию, особенно когда речь идет о конкретных исторических событиях. В данной связи представляется уместным привести высказывание нидерландского историка и социолога М. ван дер Линдена, по мнению которого использование сравнительного исследования применительно к генезису любого исторического события принципиально важно для достижения необходимого результата.

«Любое сравнение, – утверждает ван дер Линден, – всегда основывается как минимум на присутствии двух элементов или же двух явлений. [...] Но как бы там ни было, не стоит спрашивать: “Можно ли сравнивать эти два элемента?”; правильное будет задать вопрос: “В чем именно эти элементы сопоставимы?” [...] Значение сравнительного анализа зависит от постановки проблемы, которую хочет решить исследователь»¹.

В любом случае современные историки постепенно приходят к выводу, что среди всех возможных методик, используемых в данном контексте, наиболее продуктивными являются только три: метод противопоставления, метод сличения и метод включения (известный лингвистам как инкорпорирование). Хотя ни одна из этих методологий, применяемая по отдельности, не является стопроцентным гарантом ожидаемого результата исследования, можно с уверенностью утверждать, что использование отдельных элементов каждой из них в области изучения конкретных и произошедших в один промежуток времени явлений вполне

* *Евгения Олеговна Смоктий, доктор исторических наук, почетный сотрудник Университета Короля Хуана Карлоса (URJC), Мадрид, Испания.*

¹ *Linden M., van der. Hacer historia comparativa del trabajo: algunos preliminares esenciales // Historia Social. 1999. № 33. P. 112–113.*

способно более детально объяснить природу того или иного исторического феномена.

К подобному выводу также пришел другой именитый историк, британский ученый П. Бёрк, по мнению которого суть сравнительной истории европейских стран с начала Нового времени заключается в исследовании взаимоотношений двух авторитарных и подчиненных строгой социальной иерархии структур – Церкви и Монархии (или же Государства). Профессор Бёрк утверждает, что, рассматривая развитие исторического процесса на европейском континенте в целом, всегда интересно искать и изучать сходства и различия, наблюдавшиеся в то или иное время и при тех или иных обстоятельствах в так называемых «центрах» и «перифериях» Европы².

Причем отметим, что с конца XV в. эти «центры» и «периферии» нередко менялись местами, то есть, скажем так, менялся показатель их значимости в международном историческом и политическом контексте, зачастую принимая величину, диаметрально противоположную предыдущей.

Таким образом, основываясь, в частности, на мнениях, приведенных выше, хочу обратить внимание на тот факт, что данное исследование исходит из гипотезы, что возможно и даже необходимо провести определенную параллель между событиями, происходившими, с одной стороны, в течение 6 лет (с 1808 по 1814 г.) на территориях, подвластных испанским Бурбонам, когда страна переживала отнюдь не лучшие времена Войны за независимость против империи Наполеона, и с другой стороны, военными действиями, также вызванными нашествием наполеоновских войск на владения государя императора российского Александра I, вошедшими в историю под названием Отечественной войны 1812 года. Данное сравнение, с точки зрения автора, вполне жизнеспособно, особенно если проводить его с позиций изучения взаимоотношений народа, церкви и государства в момент серьезной внешней опасности, которая практически одновременно настигла как Россию, так и Испанию во время французского вторжения.

Начинался, как писал А.А. Блок, «век девятнадцатый, железный, воистину жестокий век». Он и не мог быть иным. Но не будем сейчас обращаться к общеизвестным фактам, касающимся эффекта, произведенного во всем мире Французской революцией. Вполне уместно будет ограничиться упоминанием о том, что в самом начале XIX столетия одним из главных факторов, усиливавших французское влияние, был, разумеется,

² *Burke P. A Social History of Knowledge. From Gutenberg to Diderot. Cambridge, 2000. P. 155.*

военный успех наполеоновской армии. Однако дело было не только в этом. Новшества политического и идеологического характера, имевшие место в постреволюционной Франции, не могли пройти незамеченными для всех стран, которые стали выходить на орбиту империи в результате экспансионистской политики, проводимой Бонапартом. Реформационные процессы либерального толка начались во многих европейских державах с абсолютистской формой правления, невзирая на сопротивление их государей, как это было, например, в Испании Карла IV Бурбона и в России Александра I Романова.

Отметим, что в обоих случаях монаршее противостояние «французскому вольномыслию» значительно усиливалось благодаря вмешательству христианской церкви: католической или же православной. В начале XIX в. вновь выступает на авансцену союз Трона и Алтаря – результат векового развития процессов конфессионализации, которые возникли и утвердились в лоне европейских монархий начиная с первых десятилетий XVI в. В частности, эти процессы протекали как в России, так и в Испании одинаково, хотя и принимали своеобразные формы с учетом социополитической и культурной специфики каждой из этих стран.

Известно, что период так называемого конфессионализма, продолжавшийся во многих государствах вплоть до эпохи либеральных революций, представляет собой важнейший этап в развитии мировой истории. Именно тогда религия выдвинулась на передний план как один из главных механизмов, регулирующих нормы государственного правления. И именно в этот период была создана система контроля над обществом, которая управлялась светской властью, с одной стороны, и властью духовной, с другой. Причем, последняя всегда защищала монаршую власть посредством эсхатологического дискурса, в основе которого лежал библейский постулат, утверждающий, что всякая власть – от Бога³. А потому противиться воле государя означало попираить основы христианской веры и церкви.

Известный специалист в области изучения византийской истории Ханс Г. Бек называл конфессионализм «политической ортодоксальностью»⁴ – термином, который с уверенностью можно применить к любой форме государственной власти, охотно использующей религиозную пропаганду для собственной консолидации.

Естественно, союз Креста и Короны оказывался еще более действенным в моменты появления внешней угрозы. И особенно если эта угроза

³ Библия. Новый Завет. Послание Святейшего Апостола Павла к Римлянам, 13:1-7.

⁴ Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend. München, 1994. 2 ed. P. 87–108.

несла в себе не только опасность потери политической независимости, очевидную в случае любого иностранного вторжения, но также представляла собой некий «микроб морального свойства», способный подорвать внутренние устои христианской монархии.

Стоит обратить внимание на небезынтересный факт: среди всех европейских держав именно в католической Испании и в православной России религиозный дискурс оказался очень эффективным инструментом в ходе войны, которую повели эти страны за защиту своих территорий от Великой армии.

Война *Отечественная* и Война за *независимость*. Именно под такими названиями остались в анналах подвиги русских и испанцев. И хотя на первый взгляд разница в определениях не кажется значительной, необходимо подчеркнуть, что если в Российской империи речь действительно шла об «отечественной войне», то есть войне освободительной, в которой принимали участие все без исключения сословия русского общества, то в случае с Испанией ситуация была не столь однозначна.

Монархия Карла IV переживала один из самых сложных периодов своей истории, известный как эпоха «князя Мира» – всесильного Мануэля Годоя, одного из наиболее критикуемых государственных деятелей испанской истории XIX столетия. После поражения, понесенного в 1805 г. от англичан в битве при Трафальгаре, испанцы как никогда желали союза с Францией. В действительности этот альянс был заключен 27 октября 1807 г. с подписанием договора в Фонтенбло, когда Карл IV и Наполеон Бонапарт пришли к соглашению о разделе Португалии. Кроме того, Испания предоставляла французской армии право прохода по собственной территории и отказывалась в пользу Франции от большей части своих земель, издревле принадлежавших испанской провинции Арагон и простирающихся от Пиренеев до реки Эбро. Однако важно отметить, что в течение первых лет XIX в. отношение к Наполеону в Испании вовсе не было негативным. Множество доказательств тому приводит испанский историк Р. Гарсия Карсель в своей книге «Мечта непобедимой нации: мифы о Войне за независимость»⁵. Более того, либерально настроенные круги под руководством Ховельяноса и Флоридабланки вдохновлялись идеями Французской революции и воспринимали Францию как пример для подражания с целью ослабления абсолютизма посредством принятия Конституции.

⁵ *García Carcel R.* El sueño de la nación indomable: los mitos de la Guerra de la Independencia. Madrid, 2007. P. 59.

Классик испанской историографии М. Артола указывает, что во время правления Карла IV распространение революционных доктрин вызвало живейший интерес в среде испанских интеллектуалов⁶. Но увидев на пороге собственного дома вооруженных французов, чье поведение более походило на действия мародеров и захватчиков, нежели «просвещенных» союзников, изумленные и испуганные либералы решили временно объединиться с монархистами-консерваторами, чтобы совместно возглавить движение сопротивления⁷.

Однако после печально знаменитых встреч в Байонне, результатом которых стало двойное отречение Карла и его сына Фердинанда от испанского престола, корона перешла в руки Жозефа Бонапарта. Несложно догадаться, что именно с этого момента волна протеста прокатилась по всем без исключения провинциям. Судя по всему, испанцы не хотели или же не могли воспринять то «великое благо», которое обещали принести в их отчизну французы. В связи с этим интересно привести фразу из воспоминаний императора, надиктованных им своему адъютанту графу де Монтолону, сопровождавшему его в изгнании на острове Св. Елены:

«С некоторых пор Испания была предметом моих размышлений. Ее традиции, ее территориальные разделения, ее старые обычаи, невежественные предрассудки ее народа – все это создавало препятствия, которые необходимо было преодолеть для того, чтобы возродить испанскую нацию, которая должна была стать великой и сильной под эгидой конституционных институтов. [...] Я мог бы подождать с исполнением этих планов и избежать кровопролития; но разногласия, происходившие непосредственно в испанской королевской семье, запятнали ее саму всеобщим презрением»⁸.

Представляется интересной теория о возможном обсуждении планов относительно Испании, имевшем место во время тильзитской встречи

⁶ Artola M. Los afrancesados. Madrid, 2008. 2 ed. Passim.

⁷ Имеется ряд исчерпывающих исследований, посвященных данной теме. Среди них следует особо отметить работы следующих авторов: La Parra López E. El primer liberalismo español y la Iglesia. Las Cortes de Cádiz. Alicante, 1985; Oposición constante y sistemática: la iglesia católica y el poder civil en el inicio de la revolución liberal en España // El primer liberalismo: España y Europa, una perspectiva comparada. Foro de debate / Ed. E. La Parra López, G. Ramírez Aledón. Valencia, 2003. P. 139–154; Rújula P. Lucha por el poder y resistencia en la Zaragoza de 1808 // Dossier: Aproximaciones a la Guerra de la Independencia, Jerónimo Zurita / Rújula P (coord). 2008. № 83. P. 29–44.

⁸ Napoléon I. Correspondance de Napoléon, ed. par ordonnance du l'Empereur Napoléon III, P., 1857-1870. Vol. XXXII. P. 359. См.: Montholon Ch -T. Récits de la captivité de l'Empereur Napoléon a Sainte-Hélène pour M. le Général Montholon, compagnon de sa captivité et son premier exécuteur testamentaire. P., 1847. 2 vols. Passim.

Наполеона с российским императором в 1807 г. Однако невозможно с полной уверенностью полагаться на правдоподобность этой версии, так как на сегодняшний момент существует лишь одно документальное свидетельство, касающееся этой темы, принадлежащее Хуану Эскоикису Морате, довольно часто беседовавшему с французским императором в Байонне весной 1808 г.⁹ Так, описывая одну из своих встреч с Бонапартом, произошедшую 21 мая 1808 г., Эскоикис особо отмечал следующие размышления Наполеона: «Российский император, которому в ходе наших встреч в Тильзите, я рассказал о своих планах в отношении Испании, [...] одобрил их и дал мне слово не противодействовать им»¹⁰.

Тем не менее сложно с уверенностью утверждать или, наоборот, отрицать, действительно ли изгнание Бурбонов занимало мысли французского государя с самого начала его Пиренейской кампании¹¹. Как бы то ни было, на момент воцарения Жозефа Бонапарта в Испании (1808) внутренние противоречия в испанском обществе обострились после возникновения еще и третьей партии так называемых «офранцузенных» (*afrancesados – исп.*). Эти профранцузски настроенные представители высшей знати и духовенства ополчились одновременно против монархистов и либералов, объединенных идеей защиты своей страны от иностранного присутствия. Нависла угроза первой и, к сожалению, не последней в Новой истории Испании гражданской войны¹². Католическая традиция, из века в век защищавшая консервативные монархические устои, столкнулась с новыми, прогрессивными тенденциями секулярного, либерального и демократического толка.

Между тем испанские «бонапартисты» считали своим долгом за-

⁹ Эскоикис Мората, Хуан (1747–1820) – испанский священник, публицист, историк и государственный деятель времен Войны за независимость 1808–1814 гг. В 1796 г. Мануэль Годой назначил его воспитателем и личным секретарем наследного принца Фердинанда. Весной 1808 г. он сопровождал Карла IV и его сына Фердинанда на встречу с Наполеоном, происходившую в Байонне и печально знаменитую двойным отречением отца и сына от испанского престола в пользу брата французского императора, Жозефа Бонапарта. Впоследствии Эскоикис получил должность государственного секретаря и до самой кончины пользовался исключительным доверием своего воспитанника, взойшедшего на испанский трон под именем Фердинанда VII.

¹⁰ *Escóiquiz Morata J. Memorias: 1807–1808. Madrid, 1915. P. 437.* Здесь и далее в переводе цитируемых документов сохранена орфография оригинала. Перев. на русский язык автора. – *Е.С.*

¹¹ *Artola M. Op. cit. P. 82.* В этом отношении мнение профессора Артолы более чем категорично: невозможно с уверенностью утверждать что-либо, основываясь лишь на одном документальном подтверждении, являющимся, кроме того, источником субъективно-мемуарного характера.

¹² *Cfr. Gambia Cuidad R. La primera guerra civil en España (1821–1823): historia y meditación de una lucha olvidada. Madrid, 1972. Passim; San Miguel y Valledor E. De la guerra civil en España. Madrid, 1836. Passim.*

щиту института монархии как такового. А был ли он легитимным или же навязанным извне, не представляло для них ни малейшей важности. Скипетр и корона монархии являлись атрибутами королей, получивших звание Католических еще в 1496 г., согласно повелению самого Папы Римского Александра VI Борджиа, левантийца родом из испанской Гандии. Как бы то ни было, Испания всегда могла гордиться славой одной из немногих европейских держав, где лучше всего понимали суть тезиса, выдвинутого крупнейшим мыслителем эпохи Нового времени Франциском де Витторией. «Истинная власть исходит не от общества, – утверждал этот теолог-доминиканец в унисон с библейской максимой Св. Павла, – а непосредственно от самого Господа Бога»¹³.

Известно, что во время «русской кампании» Наполеон не вынашивал планов по переустройству Российской империи, не покушался на крепостное право, не обещал Конституцию, как испанцам и полякам. Однако и в Испании, и в России поведение французов на оккупированных территориях вольно или невольно задевало самую чувствительную струну, свойственную жителям этих стран, – глубокое религиозное чувство.

В период с 1808 по 1812 г. как на Иберийском полуострове, так и во владениях Александра I имели огромный успех призывы к «крестовому походу» против безбожников, лишивших жизни законного французского монарха. Следующим пунктом выступала необходимость защиты своих семей и, опять-таки, веры своих отцов. Да и неудивительно. Ведь во все времена, оказавшись перед лицом большой опасности, люди в первую очередь молили о чуде, ждали его как манны небесной и только в храме пытались найти убежище, в молитве – успокоение, а в проповеди – наущение.

Тема религиозной пропаганды и участия католического духовенства в испанской Войне за независимость в настоящее время достаточно хорошо изучена. Ей посвящены работы таких известных исследователей, как Ж.-Р. Эме, Э. Ла Парры, А. Молинера Прады, П. Паскуаля Мартинеса и многих других. Однако к сожалению, большинство из них касается отдельных персоналий или явлений, что, с нашей точки зрения, недостаточно полно раскрывает указанную выше тематику. Насколько известно автору, до сих пор еще не предпринималась попытка создания обобщенного монографического труда, в котором были бы собраны воедино все пастырские воззвания, церковные документы и монаршие рескрипты времен антифранцузского сопротивления в Испании 1808–1814 гг.

В российской историографии вопрос участия Православной церкви в войне 1812 года был блестяще изучен Л.В. Мельниковой, в результате

¹³ *Vitoria F. de. Relecciones teológicas. Madrid, 1960. P. 151.*

чего появились монографии «Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года» и «Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн»¹⁴. Привлекает внимание тот факт, что содержание отдельных документов, приводимых ею, близко по смыслу испанским источникам, относящихся к теме данной статьи.

Каковы же основные точки соприкосновения, которые удалось выявить в ходе исследования? В первую очередь необходимо отметить важность патриотической пропаганды, исходившей от представителей церкви только с высочайшего одобрения светской власти. Более явно это выражалось в России, где еще с петровских времен Святейший Синод находился в непосредственном подчинении монаршей власти и, таким образом, всегда действовал в соответствии с повелениями императора. Достаточно прочесть синодальное воззвание к русскому народу, опубликованное в июле 1812 г. в связи с необходимостью увеличения рекрутского набора, где причины «справедливой и священной» войны с Наполеоном напрямую объяснялись «ослеплением мечтою о вольности», благодаря которому «народ французский ниспровергнул престол единодержавия и алтари христианские»¹⁵.

Сравним текст этого воззвания с содержанием одного из первых обращений к народу, подписанных Карлом IV. Королевская речь была опубликована через несколько дней после того, как жители Мадрида узнали, что французы находятся уже практически в десятке километров от столицы, сконцентрировав свои войска в Аранхуэсе. Король обращался к своим подданным со следующими словами: «Дышите спокойно: знайте, что армия моего дражайшего союзника, французского Императора, пройдет по моему королевству, неся с собой идеи мира и дружбы!»¹⁶

Очень скоро Мадрид содрогнулся от массовых расстрелов в районе Монклоа, учиненных французскими солдатами в начале мая 1808 г.; позже, в начале 1809 г., от голода и эпидемий пришлось стеновать Сарагосе, осажденной войсками «дражайшего союзника». Нетрудно понять замешательство испанцев, внезапно увидевших разоренные церкви, обращенные в конюшни монастыри и выжженные дотла поля, оставленные после себя солдатами Наполеона. Образы этих и многих других бед-

¹⁴ Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 г. М., 2002; *Она же*. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн. М., 2007.

¹⁵ Цит. по: Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 г. С. 54.

¹⁶ Proclama del Rey Carlos IV de Borbón: Aranjuez, 16 de marzo de 1808, цит. по: *Espadas Burgos M., Urquijo Goitta J. R.* Guerra de la Independencia y época constitucional (1808–1809) // *Historia de España*. 1999. № 11. P. 14.

ствий остались в истории благодаря гению Гойи, запечатлевшего их в серии своих гравюр, известных как «Ужасы войны» («Los desastres de la guerra»), а также на своем знаменитом полотне «Расстрелы на Монклоа» («Fusilamientos de la Moncloa»), посвященном жесточайшему подавлению мадридского восстания 2–3 мая.

И вот тогда, в момент полного отчаяния, в Испании произошел взрыв, в результате которого слились воедино политика и религия. Сам факт физического отсутствия королевской семьи в Испании повсеместно расценивался как предательство. Во всех провинциях появились так называемые Общие собрания (хунты), представители которых, в большинстве своем либералы антиклерикального толка, первым делом обратились за поддержкой к служителям католической церкви, не примкнувшим к «офранцуженным».

Можно с уверенностью утверждать, что содержание проповедей, читаемых во время воскресной службы во всех церквях Испании, равно как и воззвания Общих собраний, постоянно апеллировавших к глубинной католической религиозности испанского народа, удивительным образом походили на воззвания Русской православной церкви во время военных событий 1812 года.

В обоих случаях в призыве духовенства к народу объединялись три важнейших элемента: защита Веры отцов; защита своего Отечества и защита Монархии, каковая являлась основным гарантом моральной и политической стабильности, будучи социальным институтом, возглавляемым помазанником Божиим, то есть государем, обязанным выполнять функции, возложенные на него самим Всевышним.

Перед лицом своего народа монарх – католический или православный – заявлял о необходимости защиты родины от французского императора, именовавшегося Православной церковью не иначе как «властолюбивым, ненасытимым, не хранящим клятв, не уважающим алтарей врагом»¹⁷. Патриотически настроенные жители католической Испании также считали Наполеона осквернителем идеи абсолютизма, воскрешая тем самым в памяти образы несчастных Людовика XVI и Марии-Антуанетты. В связи с этим интересно сослаться на воззвание, подписанное генерал-прокурором княжества Астурии А. Флоресом Эстрадой:

«Их [французов] поведение в отношении всей [нашей] Нации еще более жестоко, чем того можно было ожидать от полчищ готтентотов. Они

¹⁷ Цит. по: Мельникова Л.В. Армия и Православная церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн. С. 69.

[французы] надругались над нашими храмами, оскорбили нашу религию, проявили неуважение к вере обетованной, и нет ни одного закона, который бы они не попрали. Взовем же к Богу наших Войск, привлечем в качестве посредницы Богоматерь Сражений, чьему образу мы поклоняемся испокон веков в храме Ковадонги, и будем уверены в том, что Богоматерь не покинет нас во время войны за правое дело изгнания с нашего Полуострова и уничтожения столь вероломного и проклятого народа»¹⁸.

Вне всякого сомнения, достоин внимания еще один пример. В воззвании к народу, опубликованном хунтой Кастилии 4 июня 1808 г., говорилось:

«Благородные Кастильцы: всеобщим врагом рода человеческого стал предатель, у Господа нашего отнявший любезного Фердинанда VII и всю Королевскую семью. [...] Ваши сердца, уже распаленные духом Религии и любви к Отчизне, готовы воскресить сцены тех героических баталий, где блистала кастильская доблесть, благодаря которой была не раз спасена наша Родина и утверждена Религия»¹⁹.

Необходимо отметить, что тема «французского Антихриста» давно и хорошо изучена испанскими историками, что подтверждается недавно опубликованной в России статье историографического характера, принадлежащей И.Ю. Медникову²⁰. С первого взгляда в ней привлекает внимание упоминание о хрестоматийно известном «Гражданском катехизисе», хранящемся ныне в Библиотеке Сената в Мадриде²¹.

Будучи одним из многочисленных патриотических воззваний, этот документ был известен в свое время каждому грамотному испанцу. Более того, в 1819 г. он был опубликован в русском переводе на страницах «Воспоминаний об Испании» Фаддея Булгарина²². Так кто же объявлялся врагом благополучия добропорядочных и правоверных испанцев? Разу-

¹⁸ Цит. по: *Delgado S.* Guerra de la Independencia: proclamas, bandos y combatientes. Madrid, 1979. P. 20–21.

¹⁹ Цит. по: *Ibid.* P. 39–40.

²⁰ *Медников И. Ю.* «Нашествие «Антихриста»: французы в зеркале Войны за независимость Испании // ФЕ 2012. М., 2012. С. 295–313.

²¹ *Catecismo Civil. Breve compendio de las obligaciones del Español, conocimiento de su libertad, y explicación de su género, útil en las actuales circunstancias para la enseñanza de los niños de ambos sexos.* Рукописная копия, опубликованная вместе с документом под названием Junta de Gobierno, Sevilla: manifestación política sobre las actuales circunstancias. Cartagena, 1808, Biblioteca del Senado (Madrid).

²² *Булгарин Ф. В.* Воспоминания об Испании. СПб., 1823. С. 49–54.

меется, император французов. Почему? Все просто: ибо «происходит от греха и суть есть двоякого естества, дьявольского и человеческого»²³. Неудивительно, что грабежи храмов и профанации святынь, учиненные французами в России и в Испании, только способствовали популярности подобных прокламаций, носивших явно религиозный характер.

Да и многие испанские священники с болью могли поставить свою подпись под гравюрой за номером 44 из «Ужасов войны» Франсиско Гойи, озаглавленной автором «Я это видел!» («¡Yo lo vi!»). Читаем в «Дневнике» сарагосского священника Фаустино Касамайора-и-Себальоса, который описал события, происходившие в столице Арагона во время французской осады, продолжавшейся с мая 1808 г. по февраль 1809 г.:

«Жители Сарагосы были столь напуганы известиями о бегстве королевской семьи, сражениями с французской армией и присутствием огромного количества иностранных солдат на подступах к своему городу, что ринулись в церкви, умоляя о чуде Деву Марию дель Пилар. И внезапно многим показалось, что в течение нескольких минут они видели в соборной часовне белую ладонь, держащую корону. “Чудо! Чудо!” – кричали они, взывая к помощи Святой Девы. Были и такие, кто утверждали, что наблюдали в часовне и вторую десницу, увенчанную короной, что еще больше усилило шум и крики людей, искавших защиты у своей покровительницы»²⁴.

Похожую версию того же события можно прочесть в воспоминаниях Рамона Кадены, эконома того же кафедрального собора арагонской столицы²⁵.

Известия, касающиеся февральских событий 1809 г. в Каталонии, нашли свое отражение в «Дневнике» отца Феррера, с возмущением описывающего непочтительное поведение французских солдат и офицеров во время службы, проводимой епископом Барселоны Пабло Сичаром. В воспоминаниях священника особое место занимает фрагмент, в котором как в капле воды отразилось неуважение, проявленное французами к католическим святыням. Действительно, надо было иметь недюжин-

²³ Там же.

²⁴ *Casamayor-y-Zeballos F.* Años políticos e Históricos de las cosas más particulares ocurridas en la Imperial, Augusta y siempre Heroica ciudad de Zaragoza. Años 1782–1833. Biblioteca General de la Universidad de Zaragoza, Fondo Antiguo; 1808-1809. T. 25. Mss. 125. Del 17 de mayo de 1808.

²⁵ *Cadena R.* Los sitios de Zaragoza. Zaragoza, 1908. P. 2–4.

ное легкомыслие, чтобы прогуливаться по барселонским улицам, попивая вино из потиров и угощая им же своих лошадей²⁶.

Но наиболее пострадало во время наполеоновского нашествия так называемое «черное» духовенство. Силой изгнанные из своих монастырей святые отцы уходили в горы с тем, чтобы примкнуть к повстанцам или же к герилье, партизанскому движению, охватившему практически всю страну. Такова была история монаха-капуцина Мариано де Севильи, подносившего артиллерийские снаряды защитникам Кадиса во время осады 1810–1812 гг.²⁷ Можно также вспомнить рискованные операции, проводимые в окрестностях Валенсии Асенсио Неботом по прозвищу Монах, бывшим францисканцем из обители в левантийском местечке Нулес. Память о них была столь неизгладима, что осталась документально зафиксирована в воспоминаниях маршала Сюше, герцога Альбуферского²⁸.

Так же отважно сражалось и православное духовенство. Известны случаи участия священнослужителей в партизанских отрядах на Смоленщине и в Гжатске – районах, где церкви и монастыри особенно пострадали от разорения.

Вне всякого сомнения, воин в священном сане, будь то монах, изгнанный из разрушенной обители в Галисии, Андалусии, Эстремадуре или Кастилии солдатами Мюрата или Сульта, или же русский священнослужитель, поднимавший своими проповедями дух и веру русской армии в битвах при Смоленске и Бородино, был одним из ключевых факторов в поддержании духа нации как в храме, так и на поле брани.

Отметим, что одним из основных отличий было то, что российское православное духовенство не принимало массового участия в военных действиях, между тем как основная часть мелкого и среднего духовенства Испании предпочла взять в руки оружие, чтобы сражаться против

²⁶ Ferrer R. Barcelona cautiva, o sea Diario exacto de lo ocurrido en la misma ciudad mientras la oprimieron los franceses, esto es, desde el 13 de febrero de 1808 hasta el 28 de mayo de 1814. Barcelona, 1815. Vol. I. P. 22, 146 – 147.

²⁷ См.: Gómez de Arteche J., de. Centenario de los sitios de Zaragoza. Ntra. Señora del Pilar. Las zaragozanas en 1808. El fraile en la Guerra de la Independencia. La mujer en la Guerra de la Independencia. Madrid, 1908. P. 47.

²⁸ «У самых, так сказать, ворот Валенсии нас беспокоил Монах, действовавший на коммуникациях между Сагунто и Тортозой. Этот предводитель банды атаковал на большой дороге артиллерийский конвой, вышедший из Торребланки, обратил в бегство крестьян-погонщиков, поубивал канониров, захватил одно орудие из четырех и двенадцать лошадей, сжег 11 повозок и рассеял весь конвой. Маршал сформировал мобильную колонну, чтобы преследовать его без остановки, и поставил во главе нее Ронфора, командира батальона. Несколько раз удавалось эту банду рассеять, но полностью ее разгромить так и не удалось». – Suchet L.-G. Mémoires du Maréchal Suchet, Duc d'Albufera sur ses campagnes en Espagne, depuis 1808 jusqu'en 1814, écrits par lui-même. P., 1828. T. 2. Cap. XVII. P. 280.

французов наравне с партизанами и действующими солдатами освободительной армии.

Конечно же, повторимся, в испанском обществе того периода существовал определенный слой священнослужителей-коллаборационистов, которые поддерживали политику Жозефа Бонапарта или же в силу определенных причин оказывали содействие наполеоновским войскам, как это произошло, по мнению отдельных исследователей, с епископом галисийского диоцеза Луго, вышедшем с приветствием навстречу маршалу Сульту, герцогу Далматскому²⁹. В современных исследованиях российских авторов также приводятся примеры отдельных случаев непротivления и даже явного сотрудничества с французами, что особенно ярко проявилось на западе империи, а именно в Белоруссии и Литве³⁰.

Тем не менее в ходе борьбы с Бонапартом, невзирая на различия конфессионального характера, обе Церкви – католическая и православная – продемонстрировали редкостное единодушие, используя чрезвычайно похожие стратегические методы политической индоктринации посредством религиозного дискурса.

Разумеется, невозможно говорить о полном сходстве ситуаций, так как в начале XIX столетия позиции испанского духовного сословия в обществе были значительно более слабыми по сравнению с русским, что было вызвано его постоянными разногласиями с Ватиканом и все более радикальным вмешательством государства в экономическую жизнь церкви в результате реформ Мендисабалья. Испанская церковь уже не могла провозглашать себя *urbi et orbi* в качестве единственной защитницы христианского мира и религиозных догм, как это было во времена правления испанских Габсбургов.

²⁹ Juana J., de. Reacción en Galicia ante la Revolución y la ocupación francesa // Repercusiones de la Revolución Francesa en España / Almuña Fernández C., De Diego E. et al. Madrid, 1990. P. 394. В данном контексте интересно отметить неоднозначную позицию испанских историков. Так, в статье Х. М. Осуны Рея приводятся доводы, которые с точки зрения автора не позволяют однозначно причислить к «офранцузенным» епископа Луго, Фелипе Пелаэса Каонедо. – *Osuna Rey J.M.* El clero gallego durante la Guerra de la Independencia. (10/06/2012).

³⁰ Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 г. С. 69–70. Также, по одной из пока не подтвержденных версий, открыто выступали в поддержку Наполеона русские староверы, с почестями встретившие императора после вступления французских войск в Москву, в надежде на то, что новый монарх спасет их от притеснений со стороны официальной Православной Церкви и государства. Однако упоминая в своей статье о возможном ответном даре Наполеона московским староверам (речь шла о походной типографии, на которой предположительно печатались поддельные денежные ассигнации Российской империи), белорусский исследователь А. Баюра особо подчеркивает гипотетический характер этого случая. См.: Баюра А. Наполеоновские выпуски фальшивых российских ассигнаций // Банкаўскі веснік. Ліпень 2012. С. 63 от 23/02/2013).

Тем временем православная Россия продолжала проповедовать идеи, унаследованные церковью еще со времен «Третьего Рима», и еще более активно, чем прежде, указывала всей Европе на свою спасительную миссию, доверенную только ей одной самим Господом Богом. В начале XIX в. это особенно ярко проявилось во время борьбы России против Великой армии Наполеона.

Думается, что ярче всего идея божественной роли православной России в деле защиты всего христианского мира от «французского Антихриста» провозглашалась в наставлении Санкт-Петербургскому ополчению, произнесенному в 1812 году митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Амвросием:

«[...] О Русские! О народ слава царей наших, *честь православной церкви, крепость Отечества, красота земли Русской, надежда страждущей Европы!* [...] Идите спешно и небоязненно в назначенный вам путь Господень [...] веруйте несомненно, *яко предходит вам Сам Бог защитить всех уповающих на него*»³¹ (выделено мной. – Е.С.).

И словно эхом отозвалось в Испании «Пастырское наущение», подписанное в том же 1812 году епископами Каталонии, Арагона и Наварры, документе не менее популярном среди испанского воинства, чем проповеди церковных иерархов, произнесенные для солдат и офицеров русской армии. Оно гласило:

«Да здравствует Религия, да здравствует Король, да здравствует Отечество: три слова, которые прозвучали в Мадриде и стали сигналом [к борьбе] для всего Народа. [...] С тех пор эти [героические] *события по праву повергли в изумление всю Европу: случилось это только благодаря любви к Религии, Королю и Отчизне, ценностям, которые невозможно завоевать, ибо несут они в себе Небесную защиту, не теряя при этом из вида блага земные и наиболее близкий союз между всеми государственными сословиями*»³² (выделено мной. – Е.С.).

Таким образом, очевиден вывод, что в эпоху Наполеоновских войн важнейшую роль играл фактор церковной проповеди или же духовного напутствия, обращенного к представителям всех сословий. Важно,

³¹ РГИА, ф. 796, оп. 93, л. 781, л. 1. Цит. по: Мельникова Л. В. Армия и Православная Церковь Российской империи в эпоху Наполеоновских войн., С. 71.

³² Instrucción pastoral de los Srs. Obispos de Lérida, Tortosa, Barcelona, Urgel, Teruel y Pamplona al clero y pueblo de sus diócesis. Mallorca, 1814. 2ª ed. P. 4.

что непосредственное участие русского и испанского духовенства в сопротивлении иностранным захватчикам имело решающее значение, ибо смогло направить народное возмущение в конфессиональное русло, где, собственно, и пребывала в то время политическая концепция государственной власти.

Известно, что после изгнания французов в обеих странах предпринимались попытки осуществления либеральных реформ. В Испании это был созыв кадисских Кортесов 1812 г. и принятие первой испанской Конституции, в России – восстание декабристов. И там, и там эти попытки потерпели поражение. В России после разгрома декабристов началась эра *«православия, самодержавия и народности»*, в Испании либералы сочли за лучшее постепенно вернуться к монархическому устройству государства.

Кроме того, в прогрессивно настроенных кругах испанского общества всячески поддерживалась идея постепенного сближения с Католической церковью, продемонстрировавшей значительное влияние на политическую ситуацию в стране в ходе Войны за независимость. Не за горами была и отмена кадисской Конституции, произошедшая в 1814 г., а также окончательная реставрация Бурбонов, случившаяся девятью годами позже.

Итак, отстаивая свою независимость перед лицом наполеоновской армии, в первой четверти XIX в. на двух географических, политических и религиозных полюсах европейского континента – в России и в Испании – Крест и Корона по-прежнему были неразделимы. В послереволюционной Европе как на ее православном севере, так и на ее католическом юге конфессиональные и государственные структуры взаимно поддерживали друг друга и еще более укрепляли свои позиции в умах и душах подвластных им христианских подданных в мирное, но особенно в военное время.